

ЕЛЕНА МАТЕУШ

ЗАПИСКИ
НА ШЁЛКОВЫХ
ЛОСКУТАХ

Елена Матеуш

Записки на шёлковых лоскутах

«Автор»

2025

Матеуш Е.

Записки на шёлковых лоскутах / Е. Матеуш — «Автор», 2025

В сборник вошла повесть “Три жениха прекрасной Отикунэ” и рассказы о древней Японии. Повесть - это история о прекрасной Отикунэ. Как все девушки, она мечтает о любви, но найти её непросто сироте, которую злая мачеха лишила всего и превратила в служанку в собственном доме. Но вот появляется таинственный поклонник, обещающий забрать её к себе, когда настанет пора цветения глициний, и девушка ждёт весны с надеждой на счастье. Рассказы - истории о самураях, их жёнах и наложницах.

© Матеуш Е., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ЧАСТЬ 1. Три жениха прекрасной Отикунэ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Матеуш

Записки на шёлковых лоскутах

ЧАСТЬ 1. Три жениха прекрасной Отикунэ

ГЛАВА 1

– У каждой поры своя прелесть в круговороте времён года. Весь год прекрасен – от начала и до конца, – много раз повторяла мама слова какой-то знатной дамы.

Отикунэ ей верила. И как не верить? Стоит посмотреть на красные мэйхуа, присыпанные снегом. Мама показывала на нежные цветы и говорила, что Отикунэ так же чиста и прекрасна, как они. А ещё она учила дочь любоваться снегом. Только теперь, после её смерти, на холодный колючий белый покров Отикунэ не могла смотреть без слёз.

Оставшись сиротой, девушка перестала ходить на праздник любования луной или цветения сакуры. Мачеха так загружала её работой, что она растеряла всех подруг, а одной любоваться цветением было грустно, даже если вдруг удавалось ускользнуть из дома.

Но сегодня она надела подаренное мачехой за усердную работу старое шёлковое платье и отправилась в город на праздник весеннего пробуждения природы. С тех пор как закуковала кукушка, Отикунэ не встречала своего таинственного возлюбленного, не получала от него вестей. Он больше не приходил вечером к воротам, не скользил светлой тенью между деревьев сада. Но он обещал, что придёт к ней, когда расцветут глицинии. И теперь она искала его среди гуляющих людей.

Ей хотелось верить, что этой весной всё у них наконец решиться. Он признается в любви и Отикунэ обретёт опору. Но возлюбленный исчез.

Сердце у девушки разрывалось от печали и тревоги. Она ничего не знала о юноше, что стал ей дорог. Ни имени, ни чина, ни рода, к которому он принадлежал, ни места, где он живёт.

Всё началось поздней осенью, когда в опустевшем саду она в корнях старой яблони нашла старое зеркало, обернутое в промасленную бумагу.

Отикунэ тогда так обрадовалась! Мачеха как раз забрала у неё “на время” покрытую лаком макие шкатулку с хорошим зеркалом. Это была одна из немногих дорогих вещей, оставшихся у сироты от матери, и не первая, “одолженная” госпожой Тошико. Девушка уже знала, что ничего из “одолженного” назад не возвращалось.

Иногда у мачехи просыпалось что-то похожее на совесть, и она присылала какую-нибудь из своих старых и ненужных вещей на замену “заимствованному”. Вот и тогда вместо красивой, нарядной шкатулки ей принесли другую – потёртую, с потрескавшимся лаком и зеркалом настолько мутным, что Отикунэ видела в нём лишь бледную тень вместо своего отражения.

А найденное зеркало не только идеально подошло в пазы крышки старой шкатулки, так ещё и поверхность имела гладкую, блестящую, в которой отражение Отикунэ казалось красивее, чем во всех других зеркалах.

Но не меньше обрётённого зеркала Отикунэ обрадовала совсем уж неожиданная находка. На бумаге, в которую было завернуто зеркало, она обнаружила нарисованный портрет молодого человека удивительной красоты. Девушка потом часто любовалась на него, гадая о том, кем был прекрасный юноша, и мечтая о встрече.

Но мечты эти были сном, грёзой, о несбыточности которой ты знаешь сам. Кто она? Бедная сирота, отец которой почти забыл о дочери, а мачеха обращается хуже, чем с иной служанкой. Выселила её из северных покоев дворца, где жила теперь сама с дочками, в маленький

убогий домик рядом с воротами. Платья, что носит Отикунэ, выглядят ветхими до прозрачности, и девушка спряталась бы от стыда, появившись у неё шанс увидеться с молодым человеком.

Собственно, так она и поступала, когда в доме появлялись молодые друзья старшего зятя. А на портрет красавца можно любоваться и мечтать, не боясь того, что над тобой посмеются.

Отикунэ так привыкла каждый вечер перед сном смотреть на рисунок, что даже не удивилась, увидев в зеркальце знакомые черты с портрета. Потом прекрасный образ стал являться ей чаще. Но эти мгновения были столь коротки, что Отикунэ не успевала понять – видится ли ей отражение человека, которого нет в комнате, или это лишь очередная грёза.

Что это не пустые видения стало ясно, когда в старой шкатулке обнаружилось адресованное ей любовное послание, написанной красивым каллиграфическим почерком.

Как оно попало в шкатулку, выяснить не удалось. Задавать вопросы Отикунэ рискнула только служившей ей с детства Акого, единственной оставшейся у неё служанки. Точнее, и её мачеха забрала и отправила служить своей средней дочери Кинко, но преданная Акого при любой свободной минуте приходила к своей прежней хозяйки и даже жила вместе с ней в убогом домишке. Только её и волновало будущее сироты.

– Ах, госпожа, я ни о чём так не мечтаю, как о том, чтобы ваша жизнь устроилась к лучшему. Вот бы какой-нибудь достойный человек выкрал вас отсюда и женился. Ни отец, ни мачеха искать жениха вам не станут.

Теперь, когда Акого прислуживала Кинко и её мужу, то часто общалась с прислужниками из его свиты, и могла принести записку в дом Отикунэ.

– Нет, госпожа, я ничего такого не приносила, – отпиралась она. – А что там? Любовное послание? Вы должны на него обязательно ответить! Это ваш шанс на счастье.

– О чём ты говоришь, Акого? Это неприлично! И потом, если записку принесла не ты, то как я отправлю ответ?

– Клянусь, это не я. Но тот, кто принёс послание вам, тот и заберёт ответ из шкатулки.

Но Отикунэ тогда не стала ничего отвечать незнакомому поклоннику. Она даже читать послание не стала. Так, только взгляд бросила.

Но спустя какое-то время в шкатулке вновь лежало письмо, написанное изящным почерком на дорогой бумаге. Хоть девушка и пыталась не обращать внимания на таинственные послания, но постепенно любопытство победило. Отикунэ принялась читать их, и стихи, посланные ей, звучали так трогательно, что не могли не задеть струны её сердца.

Она стала отвечать, пытаясь поэтическими строчками объяснить, что счастье для неё невозможно и писать ей не стоит. Но её поклонник проявлял настойчивость и продолжал отправлять записки и ожидать ответа. Постепенно Отикунэ привыкла и ей стало не хватать их переписки, если новое послание долго не появлялось.

Таинственный поклонник умолял пригласить его к себе, раз она живёт не в женских покоях дворца, и в одиноко стоявший домик гость сможет проникнуть незаметно, но Отикунэ ещё хорошо помнила матушкины наставления о том, как должна вести себя благородная дева. А зазывать к себе постороннего мужчину без ведома родителей – это точно не то, что может позволить себе достойная дочь достойных родителей.

Тем более что ничего о таинственном поклоннике не знала даже Акого. Верная служанка пыталась укараулить того, кто подбрасывает в домик послания, а потом забирает их, но у неё ничего не вышло. Пыталась Акого осторожно расспрашивать других служанок, но то ли была слишком осторожна, то ли действительно никто ничего не слышал о мужчине, заинтересовавшемся скромной сиротой, но так ничего узнать ей не удалось. Потому, хотя Акого и отличалась смелым и находчивым нравом, и желала счастья Отикунэ, но позволить неизвестно кому тайком прийти к беззащитной девушке служанка не могла.

Отикунэ, напуганная напором незнакомца, решила прекратить переписку и перестала отвечать на записки. Перестала даже читать их. Тем временем зима вступила в свои права. Тем-

нота наступала рано, и к часу Пса возле домика Отикунэ обычно становилось совершенно безлюдно. И вот однажды, выглянув в окно, чтобы посмотреть на хлопья падающего снега, который наверняка растает к утру, девушка увидела мелькающее между деревьев светлое пятно.

Вглядевшись в сгущающийся сумрак, Отикуне поражённо поняла, что это светлеет лицо и белые волосы, собранные в длинный хвост, какого-то мужчины, одетого в тёмные одежды. Разобрать на расстоянии в темноте вечера черты лица было невозможно, но сердце Отикунэ ёкнуло, словно узнало незнакомца.

От страха и смущения девушка отшатнулась и закрыла окно. А когда спустя несколько ударов сердца набралась храбрости и вновь выглянула в окно, то никого уже не увидела.

Утром она специально прогулялась там, где ей привиделся человек, но на тающем снегу никаких следов не нашла и решила, что незнакомец ей только привиделся. Видно, падающий снег обманул её глаза, подшутил над девичьим сердцем.

Но спустя несколько дней Отикунэ вновь увидела в вечернем сумраке за воротами светлое пятно лица, подсвеченное пионовым фонарём. Его нёс перед незнакомцем слуга, чьё лицо прятала широкополая шляпа. Отикунэ, возвращавшаяся из отцовского дворца, замерла на пороге своей хибарки. Ей так хотелось лучше рассмотреть светловолосого незнакомца. И словно выполняя её желание, он подошёл к воротам так близко, что девушка не могла ошибиться, узнав в незнакомце знакомые по рисунку черты. Это был он – красавец, что пленил её сердце!

Они замерли, прикипев друг к другу взглядами. Неизвестно, как долго продолжалось бы это молчаливое переглядывание, если бы Отикунэ внезапно не вспомнила, как убого надетое платье.

– Ах, что он подумает обо мне! – вспыхнуло у неё в голове, и смущённая девушка поторопилась скрыться в своём домике.

Утром она обнаружила новую записку, полную комплиментов её внешности, из которой Отикунэ поняла, что любовные послания всё это время писал виденный вчера красавец. Единственное, что в незнакомце отличало его от образа на рисунке, был цвет волос. На портрете они были чёрными, а в жизни – белые как лунный свет.

Такие встречи на расстоянии, письма с трогающими сердце строками случались не слишком часто, и это привязывало Отикунэ к незнакомцу ещё крепче. Ведь каждый раз, когда незнакомец исчезал, девушка пугалась и тосковала, плача одинокими ночами от страха, что незнакомец нашёл себе другую, и она больше никогда его не увидит.

Так что к весне Отикунэ сдалась и согласилась на встречу. Возлюбленный написал, что придёт к ней, когда расцветут глицинии.

ГЛАВА 2

Весь день бродила Отикунэ среди веселящихся компаний, надеясь случайно встретить любимого. Заглядывала в лица молодых мужчин, слушала смех и гудение голосов. Но так и не встретила возлюбленного. Никогда Отикунэ не была так одинока, как в этот день, среди радостных людей и цветущих глициний.

Вот уже и праздник закончился. Все разошлись по домам, чтобы продолжить его у родных очагов, выпить густое терпкое вино с лепестками цветов, съесть сладкие рисовые колобки и солёную рыбу. А Отикунэ всё шла от дома к дому, от улицы к улице.

Давно село солнце и загустели сумерки. Весенняя прохлада заставляла ёжиться и выстуживала сердце.

В окнах и витринах лавок зажглись фонари, усилив аромат благовоний. Тёплый дрожащий свет на обезлюдевшей улице обманчиво обещал Отикунэ чудо и спасение от одиночества.

В небе плыли сиреневые облака цветущих глициний, роняя слёзы лепестков на брусчатку. Их было так много, что дорога казалась рекой, отражающей вознёсшиеся к небу соцветия.

Отикунэ крепко сжимала в руках ненужный сейчас зонт, словно пытаясь защититься от падающих с неба сиреневых слёз. Деревянные гэта девушки стучали по камням, наступали на лепестки, превращая их в грязь.

Что-то тёплое и мягкое коснулось ноги.

– Мяу! Мяу!

Отикунэ посмотрела вниз.

Ты что, так и ходишь за мной? – удивилась она.

Этот чёрный котик прибил к ней ещё днём и упорно бежал за девушкой среди многолюдной толпы. И здесь, на пустой улице, Отикунэ обрадовалась, увидев, что он всё ещё рядом. Хвост трубой, уши торчком и пристальный взгляд вперёд, словно кот видит там что-то, невидимое человеческим глазом.

– Ты мой защитник, – улыбнулась Отикунэ.

На сердце потеплело. Она в этот странный вечер тоже не одинока.

«Что же, глицинии отцветут не сейчас, – утешила себя она. – Возможно, он придёт ко мне завтра».

В такое время находиться одинокой девушке на улицах города становилось опасно, да и её отсутствие дома могли бы заметить. Отикунэ вернулась в свою хибарку.

Она не сразу вошла в дом. Постояла на пороге, наслаждаясь тёплым весенним вечером, прислушиваясь к шуму, доносившемуся со стороны отцовского дворца. Там продолжалась суета праздника и сборов большого семейства тюнагона Химуру в поездку. Завтра все – от хозяев до последней служанки отправлялись с паломничеством в храм Белых цапель. Только Отикунэ оставляли здесь. Опять. Одна.

Вздохнув, девушка прошла в комнату, зажгла неяркую лампу, отыскала треснутую и позже склеенную миску, положила туда кусочек рыбы для приبلудившегося кота. Порадовалась, что Акого не забыла о ней и занесла поднос с ужином. Благодаря ей у Отикунэ нашлось, чем покормить чёрного приблуду. Правда, теперь самой придётся ограничиться пресным рисом. Ну да ладно! Первый раз, что ли. Зато и ей нашлось с кем разделить праздничную трапезу.

Поев, Отикунэ достала из шкатулки любимый портрет и так засмотрелась на прекрасные черты, что не обратила внимания на стукнувшее окно. Лишь почувствовав холодок от сквозняка, оглянулась и вскрикнула. В её комнате был незнакомый мужчина!

Хотя нет. Знакомые по портрету черты подсказали: это он, её загадочный поклонник. Она онемела от неожиданности и смущения.

– Вы согласились на встречу, и я пришёл, прекрасная Отикунэ.

От растерянности девушка забыла все слова и правила приличия. Молчала и во все глаза рассматривала гостя. Он был ещё прекрасней, чем на портрете! Светлая кожа, благородные черты лица, тёмные глаза, похожие на листья ивы, и серебристые волосы, собранные в плотный узел. Даже неяркие серые, сотканые из глицинии, одежды украшали его, подчёркивали аристократизм осанки и жестов.

– Вы в трауре? Поэтому так долго не писали мне? – вырвалось у Отикунэ.

И тут же прикусила губу, смутившись до слёз от допущенной неловкости: «Что подумает о моём воспитании этот благородный молодой человек?»

– Вы так редко отвечали на мои послания, что мне не хотелось выглядеть назойливым, – улыбнулся в ответ гость. – Я был полон печали и потому отложил письма до нашей встречи, надеясь, что тогда мне, ничтожному, удастся смягчить ваше сердце.

Пока девушка собиралась с духом, чтобы вновь заговорить, и лихорадочно искала в голове слова, уместные при первой встрече, гость прошёл вперёд и опустился за столик о-дзэн, где стояла шкатулка и лежал его портрет.

Неловкость, что испытывала Отикунэ до этого, была огоньком свечи по сравнению с пламенем стыда, охватившем её теперь. Наверно, сгорая в огне, она испытывала бы меньшие муки. Ей нечем угостить гостя! Ни сладостей, ни вина нет в её доме.

Красавец-самурай похлопал по циновке, приглашая сесть рядом:

– Не расскажите ли, госпожа, что вас томит, отчего вы полны печали?

Отикунэ присела рядом и замерла. Вдруг из угла раздалось шипение.

– Что это?

Отикунэ и сама не сразу сообразила, кто издаёт такие грозные звуки. Прежде чем ответить, повернулась в ту сторону и увидела в тёмном углу светящиеся огоньки. Не сразу она вспомнила про своего нового друга – кота-приблуду.

– Это мой кот Кацу.

– Вы называли его победителем? – спросил гость.

– Он выглядит храбрецом и это имя ему подходит.

Гость нахмурился:

– Кот так грозно смотрит, что кажется, собирается вызвать меня на бой. Но лучше ему этого не делать. Я всегда отвечаю ударом на удар. Не хотелось бы огорчать вас, прекрасная госпожа, но думаю ясно, кто в нашей схватке станет победителем.

Самурай с налёком положил руку на оружие, которое лежало рядом с ним. Отикунэ немного царапнула его слова, но потом вспомнила, как Акого рассказывала про кота-задиру, что жил у соседей. Он кидался кусать и царапать всех чужих, проходящих в дом, пока один из самураев в гневе не зарубил вредное животное, которое умудрилось до крови расцарапать ему щёку. Может, и её гость уже сталкивался с таким вредным котом и теперь честно предупреждает, что подобного терпеть не станет.

Кацу, словно поняв угрозу, замолчал, сверкнул глазами и исчез за ширмой, мотнув напоследок хвостом.

– Простите, мне так неловко, но не могли бы вы назвать себя? – спросила Отикунэ, которой желание отвлечь гостя от кота придало смелости. – В своих посланиях вы ни разу не упоминали, к какому благородному роду принадлежите.

– Вашего ничтожного слугу зовут Акиори из клана Йошидзу.

Акиори принялся рассказывать о своих родовых землях, о благородных предках и покровителях рода так красиво, что Отикунэ заслушалась и почти успокоилась.

– Я говорил так долго, что во рту пересохло. Не позволите ли мне чем-то смочить губы?

– Ах! – едва не заплакала от стыда девушка. – У меня нет ничего, кроме воды.

– Если вы изволите испить со мной из одной чаши, то вода мне покажется слаще мёда, пьянее вина.

Смущённая Отикунэ, потупив глаза, налила воды и протянула чашу гостю. Тот сделал из неё глоток и вернул сосуд.

Только Отикунэ собралась отпить из чаши, как кто-то укусил её за пятку. От неожиданности она вскрикнула и выронила чашку, разлив воду. Оглянувшись, увидела, как чёрный кот убегает в дальний угол.

Собираясь принести извинения, она вновь повернулась к Акиори и похолодела от ужаса. Вместо прекрасного лица молодого человека на неё чёрными провалами глазниц смотрел череп.

“Это призрак!” – в тоске и страхе поняла Отикунэ.

Она окаменела от ужаса, не в силах говорить и даже дышать. По её лицу тёк холодный пот вперемешку со слезами.

– Отчего вы так бесчувственны к моей любви? Пусть я человек ничтожный, но всё же, мне кажется, я не дал вам повода впадать в такое отчаяние. Клянусь вам, что никогда не оставлю вас...

Он говорил ещё какие-то ласковые слова, но Отикунэ неспособна была ни понимать, ни слушать. Обещание не оставлять её, которое ещё вчера сделало бы девушку счастливой, сейчас звучало страшной угрозой.

Гость обнял её за талию и мягко потянул в сторону постели за ширмой.

– Подождите! Подождите! – в панике вскричала Отикунэ. – Мне кажется, сюда кто-то идёт.

Призрак замер и прислушался:

– Действительно, я слышу шаги. Что же, подожду.

Он скрылся за ширмой, а Отикунэ повернулась в сторону входа в комнату. Никогда она так не радовалась мачехе, как в этот вечер.

– Отвори! – грозно скомандовала та из-за двери. – Отчего так долго не открываешь?!

Отикунэ поспешила открыть. Госпожа Тошико ворвалась в комнату как вихрь и подозрительно принялась осматриваться, но Акиори за ширмой не было видно, как и спрятавшегося кота. К счастью, похоже, мачеха торопилась и совать нос во все углы, как часто она поступала раньше, сегодня ей было некогда.

– Ты знаешь, что завтра мы отправляемся в паломничество, а у старшего зятя нет нового достойного праздника наряда. Я раскроила ему новые хакама и ты должна до утра сшить их.

– Хорошо, госпожа, я сразу начну шить и всё сделаю к утру.

С ворчаньем мачеха ушла, а Отикунэ уселась шить.

– Неужели вы оставите меня в одиночестве? – обратился к ней Акиори-призрак.

– Простите, мне очень жаль, что так получилось, но моя мачеха очень рассердится, если я не сошью всё к утру.

Девушка постаралась спрятать радость от того, что у неё появился повод держаться подальше от гостя.

– Господин Акиори, не расскажите ли вы о своей семье? – предложила она. – Или о том, где вы побывали? Я-то нигде не была и мало что видела.

Акиори принялся рассказывать о поместье своей семьи и занимательные истории о своих предках. Теперь, когда его страшный облик скрывала ширма, а голос звучал приятно, речь лилась гладко, ужас Отикунэ немного отступил, сменившись терпимым страхом. Она даже смогла иногда отвечать на слова призрака, убеждая его, что никак не может отложить шитьё.

Так продолжалось до первого крика петуха, когда Акиори попрощался с девушкой и ушёл, пообещав вернуться этим же вечером.

Присланный мачехой за сделанной работой слуга застал девушку в слезах и, пожалев её, поспешил отправить к ней Акого, которую загоняли с поручениями дочери мачехи:

– Ты бы сходила к своей госпоже, а то как бы она не заболела от огорчения. Плачет так, что даже встать мне навстречу не смогла.

Когда Акого пришла к Отикунэ, то та лежала на постели, бледная и обессиленная.

– Барышня, не огорчайтесь так, что вас не берут с собой. Зато вы здесь без них отдохнете, – постаралась утешить её верная служанка, не догадываясь о причинах горя Отикунэ.

– Я плачу не из-за этого. У меня беда настоящая. Смерть моя стоит на пороге, и помощи ждать неоткуда.

– Барышня, никогда не бывает, чтобы не было надежды.

А если всё действительно так плохо, то поделитесь со мной, и пусть мы не найдём выхода, вам станет легче оттого, что разделили печаль на двоих.

Акого и Отикунэ были вместе с детства, и с кем, как ни с верной служанкой делиться горем? Отикунэ рассказала ей всё.

– До ночи времени много, – постаралась успокоить свою госпожу Акого. – Мы что-нибудь придумаем.

От этого “мы” на душе Отикунэ стало чуть светлее.

– Я думаю, вам надо пойти за советом к тому, кто разбирается в призраках.

– И кто же это?

– Да вот хоть гадалщик, что живёт на нашей улице. Он человек образованный, маг, хотя и не слишком сильный. Наверняка хотя бы совет даст.

– Как к нему выбраться? Кто знает, когда все отправятся в путешествие. Вдруг до отъезда мачеха прикажет меня не выпускать из дома, ведь она всё время находит мне какое-нибудь задание.

– Не волнуйтесь, я сделаю так, что она сама вас отправит к гадалщику.

И действительно, Акого демонстративно повздыхала, сказала там словечко, здесь другое, и вот уже госпожа Тошико отправляет падчерицу к гадалщику:

– Отправляйся к господину Сайто Кери и попроси его провести ритуал на лёгкую дорогу для нас. Была бы ты хорошей дочерью, то сама догадалась бы о необходимости ритуала, а так мне обо всём думать приходится!

ГЛАВА 3

Колокольчик над дверью предупредил Кери, что к нему желает попасть посетитель. Он окинул взглядом комнату, но пока, кроме накрытого стола, ничего не указывало на то, что гадалщик принимает гостя. К концу посиделок с другом наверняка порядка станет меньше.

– Не открывай, – предложил Мамору. – Я к тебе прихожу нечасто, так позволь себе расслабиться. Вспомним славные времена студенчества.

– Если бы я носил, как ты, славную фамилию Торугава, и служил при императорском дворе хотя бы помощником начальника дворцовой службы лекарственных трав, то мог прятаться от клиентов. Но я всего лишь девятый сын лавочника и должен сам зарабатывать себе на жизнь. Так что давай прячься за ширму, а я постараюсь выпроводить гостя побыстрее.

Мамору послушно отправился за ширму, прихватив с собой кувшин с вином.

– Учти, если затянешь, то моего вина тебе останется на одну чашечку, – смеясь, припугнул он приятеля.

Удобно расположившись на циновке, вначале он не собирался слушать, о чём Кери говорит с клиентом, но голос пришедшей был столь мелодичен и нежен, что Мамору невольно заинтересовался тем, как выглядит девушка.

Он прикоснулся пальцем к ширме и пробил магией аккуратную дырочку, припал к ней и увидел просто, почти бедно одетую девушку, главным украшением которой были блестящим чёрным шёлком рассыпавшиеся по плечам волосы. Впрочем, и черты лица отличались нежностью и тонкой красотой.

– Что привело ко мне дочь благородного Ринамото-но Химуро? – после обмена приветствиями спросил Сайто Кери.

– Матушка хотела заказать вам ритуал на лёгкую дорогу. Сегодня они отправляются в Храм Белых цапель.

– Всенепременно проведу, но вам, госпожа, присутствовать при этом необязательно.

– А ещё я хотела спросить... – девушка потупилась и замолчала.

Мамору заметил, какая она бледная и, похоже, напуганная. Тоненькие пальчики нервно сжимали ткань принесённого мешочка. Он невольно ей посочувствовал.

– Как можно защититься от призрака?

– Смотря какого, – протянул Кери, внимательно глядя на гостью. – Проще не посещать места, где водятся призраки. Они обычно не могут далеко отходить от места своего упокоения.

– Это призрак молодого человека по имени Йошидзу Акиори. Он сам приходил в мой дом и сказал, что придёт снова, – тихо произнесла девушка.

– Так сразу я ничего сказать не могу. Разве что предложить защитный амулет, который не позволит призраку проникнуть в ваш дом. Если ваш батюшка оплатит мою работу, то я попробовал бы развеять призрака, но это не просто и дорого.

– Нет, нет, мне достаточно и амулета! Трёх серебряных монет хватит на ритуал и амулет? – дрожащим голосом спросила девушка.

Она так волновалась, что Мамору готов был сам оплатить приятелю за нужный амулет, если вдруг тот посчитает сумму недостаточной.

– Да, госпожа, хватит. Сейчас я вам его принесу.

Пока Сайто Кери ходил за амулетом, девушка не сводила взгляд со скрывшей его двери так, словно от этого зависела её жизнь.

Вернувшись, Кери забрал деньги, вручил амулет и пояснил:

– Повесьте его над дверью, и призрак не сможет войти в дом.

– Спасибо, господин Сайто! – улыбка девушки сияла весенним солнцем.

Когда она ушла, Мамору принялся расспрашивать приятеля о зацепившей его незнакомке.

– Это дочь тюнагона Ринамото-но Химуро по имени Отикунэ от его старшей умершей жены.

– Значит, отец Отикунэ чиновник третьего младшего ранга. Это, конечно, не самый высокий чин, но всё же не самый последний человек в городе. По виду же девушки я решил, что она из бедной семьи.

– Это не так. И её отец, и мать из древних знатных родов. Но отец, похоже, не слишком интересуется дочерью, а мачеха держит девушку в чёрном теле. Иная служанка живёт лучше, чем Отикунэ. Так зовут девушку.

– А ты откуда всё это знаешь?

– Люди говорят. К гадалщику кто только не идёт. Сам знаешь, каждое дело стремятся начать в подходящий день и час. И кто им его назовёт? Я. Так что мимо меня ни одно событие в нашем квартале мимо не проходит.

– Жалко девушку. Она такая милая.

– Да, жалко. С призраком ей не повезло.

– Я, вообще-то, про мачеху. А что не так с призраком? Ты же дал ей амулет. Или твоего дара не хватает, чтобы сделать хорошую защиту? Так сказал бы мне. Я могу поделиться с тобой силой.

– Обойдусь. Сила не всегда важна. Уж в ритуалах и амулетах я получше тебя разбираюсь. Моя защита хороша. Только если призрак привязался к ней крепко, то рано или поздно он сумеет проникнуть к девушке. И скорее случится это довольно скоро. И тогда она умрёт.

– Что?! – вскочил на ноги Мамори. – Но как?

Его отчего-то потрясла мысль, что милая девушка с таким нежным и приятным голосом может скоро умереть.

Приятель налил в чашечку вина, выпил и переспросил:

– Как умрёт или как проникнет? Мой амулет её защитит, но только внутри её дома и пока висит на входе. Бывает, призраки находят себе помощников среди живых. Подкупают или убалтывают, и глупцы делают то, что призраку не по силам. Снимают амулеты, или выманивают жертву из защищённого места. В таком большом доме, как у тюнагона, да ещё и с такой хозяйкой, как госпожа Тошика, хоть один глупец или подлец обязательно отыщется.

Мамору согласно кивнул и опустил на своё прежнее место за стол напротив приятеля. Тоже отпил вина, чтобы перебить неприятный вкус от услышанного.

– А умрёт оттого, что призрак выпьет её жизненную силу. Если бы она продолжала встречаться с ним, то это случилось бы за несколько дней или недель. А так он выпьет девушку сразу, как только прорвётся к ней в дом.

– Неужели нельзя её спасти? Я готов заплатить тебе за работу.

– Знаешь, а я не откажусь от твоих денег. Но обещать, что точно спасу, не стану. Попробовать можно, но чтобы точно сказать смогу или нет, нужно больше знать о призраке. Да и согласится ли девушка принять нашу помощь?

Вино приятно шумело в голове и от этого Мамору начинало казаться, что все трудности легко преодолимы.

– А мы сейчас напишем Отикунэ красивое письмо, где попросим разрешения посетить её завтра.

– А почему не сегодня? – засмеялся Сайто Кери. – В Академии ты со свиданиями не затягивал. Сразу шёл на штурм при виде хорошенькой мордашки.

– Когда это было! У меня сегодня ночное дежурство в императорском дворце, так что я смогу пойти с тобой в дом тюнагона только завтра. К тому же сегодня на службе постараюсь найти кого-нибудь из тех, кто его знает, чтобы найти приличный повод для визита.

– Хорошо, а я постараюсь поискать дополнительные сведения о том, как справляться с призраками.

Если бы кто-то заглянул этим утром в каморку Отикунэ, то решил бы, что она умерла. Солнце уже давно заглядывало в окно, а девушка всё лежала неподвижно на скомканной постели, не открывая глаз. К тому же была так бледна!

Всю ночь она не спала, со страхом слушая вначале уговоры, а потом и гневные крики призрака. Акого мачеха всё же забрала с собой, как и остальных служанок, оставив дома одну падчерицу. И в эту жуткую ночь, когда Акиори Йошидзу пытался пройти к ней, девушка в одиночестве могла бы сойти с ума от страха и отчаяния, если бы не чёрный кот-приблуда, не отходивший от неё ни на шаг.

Кот позволял ей себя тискать и гладить, когда она, затаившись, прислушивалась к шагам снаружи. Грозно шипел в сторону двери, когда Акиори принялся уговаривать впустить его. И даже кусал Отикунэ за ноги, когда она, поддавшись чарам призрака, несколько раз шла то к дверям, то к окну, чтобы впустить своего призрачного возлюбленного.

Лишь крик петуха прогнал кружившего всю ночь вокруг дома неупокоенного духа. И только тогда обессиленная девушка смогла уснуть.

Разбудило её мяуканье. Уставший ждать её пробуждения кот намекал, что им пора бы позавтракать.

Обычные для утра хлопоты помогли девушке немного успокоиться и отвлечься от ночного ужаса. Сейчас Отикунэ сильно жалела, что не стала отвечать вчера на письмо гадателя, где тот предлагал свою помощь. В письме Сайто Кери писал, что собирается прийти к ней сегодня днём, чтобы лучше расспросить о призраке и понять, как избавиться от него.

Вчера она побоялась, что её ответ мужчине станет нарушением правил приличия, а сегодня готова была забыть про все эти правила, лишь бы обрести хоть тень надежды на спасение.

Она готовила себе завтрак, выполняла мачехины задания, но могла думать только о том, что случится этой ночью и сможет ли вновь встретить рассвет.

К полудню Отикунэ совсем решилась отправиться к гадателю с просьбой о помощи, когда в дверь постучали и знакомый голос Сайто Кери поприветствовал её.

Отикунэ посмотрела на сладко спавшего кота, никак не реагирующего на приход гостя, и решилась открыть.

ГЛАВА 4

На пороге стоял гадатель и молодой незнакомый ей самурай, судя по его дорогой и нарядной одежде. Отикунэ смущённо потупилась и замерла.

– Простите, госпожа, что пришёл не один. Это мой однокурсник по Академии господин Торугава Мамору. Он услышал от меня о вашей проблеме и согласился помочь нам. Господин Торугава как маг сильнее меня и служит в императорской гвардии. Уверен, что вдвоём мы сумеем справиться с вашим призраком. Вы позволите нам войти?

Ещё позавчера Отикунэ страшно расстроилась бы от того, что предстала перед молодым самураем в таком недостойном виде: старое платье, не набеленное лицо, лохматые, наверно, волосы.

Вчера она побоялась бы впустить в дом сразу двух посторонних мужчин. Но сегодня она могла думать лишь о спасении, а приход вместе с гадателем ещё одного мага увеличивал шансы вдвое.

Отикунэ посторонилась, пропуская гостей в дом.

– Как, госпожа, мой амулет помог вам? – спросил гадатель, когда все они расположились на циновках.

– Да, благодарю вас, господин Сайто. Если бы на ваша защита, то я бы не дожила до утра. Уж очень он рассердился, когда я его не впустила.

– Боюсь, что амулет лишь временное решение, – заговорил Мамору. – Вам надо избавиться от призрака навсегда, иначе всё кончится плохо.

– А это возможно – избавиться от него навсегда?

– Чтобы ответить вам, я должен знать больше, – честно ответил ей гадатель. – Расскажите мне всё – когда вы впервые встретились с призраком, как часто встречались, какие вещи он вам дарил, когда и как вы распознали его потустороннюю природу. Не стесняйтесь и не скрывайте ничего. От вашей честности зависит ваша жизнь.

Отикунэ было неловко признаваться в своей глупости – переписке и влюблённости в прекрасного незнакомца с рисунка, но она честно рассказала всё, ничего не скрывая.

– Что же, не так плохо, как я боялся, – когда она закончила, сказал Сайто Кери. – Ваша связь с призраком ещё не закреплена, и если нам удастся упокоить его, то ваша душа не отправится вслед за его. Плохо, что вы приняли его дары – зеркало и рисунок. Это позволило ему претендовать на вас. Не совсем ясно, правда, почему вдруг всё это началось. Я вчера гадал и увидел, что проклятья на вас нет, и сами вы ничем не заслужили случившегося. Поэтому непонятно, что стало первопричиной появления призрака.

– Я не успел тебе рассказать, Кери, что узнал вчера про этого Акиори. Но так даже лучше. Расскажу сразу вам двоим, – заговорил Мамори. – Ещё когда вчера я услышал это имя, оно показалось мне знакомым. Моя матушка до замужества принадлежала к роду Йошидзу, и я написал бабушке с просьбой рассказать об этом человеке, если она о нём что-то слышала.

Отикунэ так заинтересовали слова молодого самурая, что она подняла опущенную голову и посмотрела прямо на него, приоткрыв красивый ротик.

– Бабушка слышала о нём. Акиори Йошидзу умер почти шестьдесят лет назад в день своей свадьбы с девушкой из семьи вашего деда, госпожа Отикунэ. Случилось это как раз весной. Когда молодых оставили наедине, то, по словам девушки, к ним в спальню пробрался грабитель, который зарезал юношу, но и сам умер от нанесённой Акиори раны. Когда на её крики прибежали слуги, оба мужчины уже были мертвы.

– Какой ужас!

– Что же, это объясняет, почему его душа не смогла уйти на перерождение. Он умер внезапно насильственной смертью, не успев завершить брачный обряд. Потеряв одну девушку из рода Ринамото, он пришёл за другой.

– К тому же в роду Йошидзу, по словам бабушки, сомневались, что убийца был грабителем. Подозревали, что невеста солгала, и убийцей был никакой не грабитель, а её тайный возлюбленный. Так как исправить ничего уже было нельзя, то не стали выносить сор за порог. Девушка стала монахиней. Род Ринамото принёс богатые дары семье Акиори и на этом все постарались забыть случившееся.

– Как печально, – вздохнула Отикунэ.

Ей было жалко всех: и несчастную невесту, на месте которой она легко могла представить себя, и её возлюбленного, и погибшего Акиори. Но заменить для призрака потерянную невесту Отикунэ не желала.

– Покажите мне портрет призрака и зеркало, с которого всё началось, – предложил гадатель.

Отикунэ принесла шкатулку, поставила на столик перед гостями, открыла и достала из неё рисунок. Но гадатель к нему не притронулся. Он уставился на шкатулку, а потом протянул к ней руки и закрыл глаза.

– Откуда она у вас? – спросил он потом.

– Мачеха принесла взамен моей.

– Вот с неё всё и началось! Я чувствую на ней след неуспокоенной души, – уверенно сказал Сайто Кэро.

Мамору подвинул к себе шкатулку и заглянул внутрь.

– Наверно, это был его свадебный дар. Видите, внутри печать рода Йошидзу. Причём не простая, замешанная на крови и наполненная защитной магией. Правда, она почти выдохлась.

– Но в момент его гибели печать была сильна и притянула его дух, что не готов был к уходу. А когда шкатулка попала к вам, девушке из рода его невесты, он захотел завершить незавершённое.

– Что?

– Жениться, – ответил гадатель. – Забрать ему обещанное.

– Теперь ясно, что случилось, вот только как это нам поможет?

– Очень даже поможет. Мы выяснили, что держит призрака в этом мире. Нашли вещь, к которой он привязан. Если нам удастся вновь его туда закрыть, то я смогу прочесть над ним священные сутры, что очистят душу и отпустят её на новый круг перерождения.

– И когда мы попробуем это сделать?

Отикунэ переводила взгляд с гадателя на Торугава Мамуро. Неужели двое почти незнакомых мужчин готовы помочь ей? Обречённость, что ледяной иглой засела в её сердце, стала таять от этого “мы”, и проступила влагой на глазах. Она на миг спрятала лицо в широкие рукава.

– Думаю, не стоит откладывать. Сейчас во дворце тюнагона никого, кроме госпожи Отикунэ, нет, и нам не помешают. А когда семейство вернётся из паломничества, то нас могут сюда даже не пустить. Тебя, Мамору, так точно.

– Значит, попробуем сегодня?

– Если госпожа Отикунэ согласится.

При мысли, что в эту ночь она не останется одна с призраком за тонкой стеной, Отикунэ готова была запрыгать от радости.

– Конечно, согласна!

– Тогда сейчас мы с Мамору уйдём, приготовим всё необходимое и вернёмся в час Пса.

Когда солнце опустилось за горизонт, но сумерки ещё оставались прозрачными, к взволнованной Отикунэ пришли, как обещали, Мамору и Кери.

– Чтобы всё удалось, надо призрака впустить в дом, госпожа Отикунэ.

– Вы готовы рискнуть и довериться нам? – дополнил гадателя Мамору Торугава.

Отикунэ стало страшно, когда она представила, что с ней в одной комнате окажется разгневанный призрак. Посмотрела на собранного Сайто Кери, решительного Мамору. Они рисковали не меньше её. И для них этот риск вовсе не был неотвратимым. Она откажется – и они уйдут, избегнув опасности. Призраку они не интересны. А вот она рано или поздно окажется лицом к лицу с духом Акиори Йошидзу. И тогда никто её не защитит.

– Да, господа, я вам доверяю. Вы моя единственная надежда.

– Что же, мы всё приготовим, и я ослаблю амулет защиты, чтобы призрак смог его преодолеть, но не сразу. В тебе есть кровь Йошидзу, и ты, Мамору, вольёшь немного магии в печать на шкатулке, – принялся распоряжаться гадатель. – У тебя вообще самая главная роль. Я спрячусь за ширмой, чтобы призрак видел лишь тебя и госпожу Отикунэ, которую он считает своей невестой. Это сразу взбесит его так, что он не заметит шкатулку, которая будет стоять рядом с госпожой. Ваша задача, прекрасная барышня, открыть её, когда призрак будет отвлечён Маморой. А когда дух будет затянут в шкатулку, быстро закрыть её. Дальше наступит моё время. Я проведу ритуал очищения, отпускающий душу несчастного.

Отикунэ с удивлением посмотрела на гадателя. В его последних словах звучало искреннее сочувствие к страшному призраку. Неожиданно ей стало легче. Она вдруг осознала, что в глубине души у неё жило чувство вины перед Акиори. Ведь долгое время она думала о нём, как о своём возлюбленном. Читала его прекрасные послания, отвечала на них, сама согласилась на встречу, а теперь собиралась его погубить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.